

М. Д. Чертыкова

**ЖИВОТНОВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ
(СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)¹**

Тематическая группа животноводческой/скотоводческой лексики в тюркских и монгольских языках представляет собой обширный пласт лексической системы языка, к ней относятся слова, именующие домашних животных и характеризующие их пол, возраст, породу, окрас, корм, части тела, территории и формы содержания и выпаса скота и т. д. В классификационной системе эти слова включаются в отдельные семантические подгруппы. Наиболее богатую группу составляют наименования животных, выражающие их половозрастные признаки. Актуальность изучения данного пласта лексики обусловлена тем, что в связи с развитием современных технологий сужается некогда богатый состав животноводческой лексики, тем самым встречается немало слов, перешедших в область архаизмов, в частности наименования конной упряжи. Относительно лошади – верного помощника кочевника – с древнейших времен тюркские и монгольские народы выработали разветвленную сеть терминологии. На примере хакасского языка мы показали, что в данной среде активно действуют сложные слова, представленные сочетанием общего наименования с определяющим словом, например, *улуз мал* «крупный скот», *иргек сосха* «боров, свинья-самец», *ине хой* «овцематка; букв. мать овца»; *сібет адай* «моська; букв. карликовая собака» и т. д. Также обозначение определенных видов домашних животных достигается путем сочетания базовых терминов с прилагательными, причастиями, субстантивированными существительными. В качестве языкового материала по монгольским и тюркским языкам привлекались данные двуязычных словарей, а также этимологические сведения о конкретных терминах, содержащиеся в работах известных лингвистов-типологов.

Ключевые слова: животноводческая лексика, хакасский, тюркские, монгольские, языки, семантика, сопоставление

Введение

Тематика животноводческой лексики ввиду своей исторической и концептуальной значимости является актуальной в разноструктурных языках. Это наиболее устойчивый, базовый пласт лексического фонда любого языка, необходимость изучения которого связана с развитием современных технологий. В связи с этим некоторая часть важных элементов материальной культуры народа уходит в прошлое и, соответственно, их обозначения переходят в разряд архаизмов. Животноводческая лексика также имеет тенденцию к исчезновению, поэтому фиксация и ее исследование есть путь к сохранению лексического богатства языка. Вместе с тем животноводческая терминология активно используется в устойчивых выражениях, пословицах и поговорках. Тем самым этническая животноводческая отрасль во взаимодействии с религиозными, фольклорными, этнографическими системами вызывает значительный интерес не только лингвистов, но и представителей других смежных гуманитарных наук.

Испокон веков животноводство является основным видом хозяйственной деятельности монголов и тюрков с учетом природно-географических и климатических условий их места обитания, что отразилось в их мировоззренческой и языковой системах. Основной массив данного фрагмента лексической системы или представляет общетюркский фонд, или же имеет лексические параллели в монгольских, а также в тунгусо-маньчжурских языках, что свидетельствует о раннем периоде его развития. Скотоводческая лексика в монгольских и сибирских тюркских языках достаточно хорошо развита и относится к древнему пласту лексического фонда, поскольку животноводство (или скотоводство) есть древнейшая и базовая часть традиционной жизни кочевников и полукочевников. Об этом свидетельствуют исторические,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект».

фольклорные и археологические данные. Тюркские и монгольские языки отражают все этнические особенности данной отрасли жизнедеятельности человека. В этих языках большая часть животноводческой лексики представлена лексическими параллелями. Она служит богатым материалом для интерпретации в историко-сравнительном, семантико-структурном и лингвокультурологическом аспектах, а также исследования истории, языковых связей и контактов тюркских и монгольских народов. Данный пласт лексики составляет хорошо разработанную и организованную систему, отражающую половозрастные дифференциации и другие лексические особенности, связанные со временем рождения животных, их болезнями, моделями их содержания и т. д.

В близком взаимодействии с животноводческой лексикой находятся тематические группы терминов материальной культуры кочевников: это наименования мясных и молочных блюд/продуктов, жилища, бытовой утвари, одежды, обуви и других этнических деталей, приспособленных для условий кочевого скотоводства.

Необходимость изучения подобных тематических групп слов связана с вопросом алтайской гипотезы языков, в этом плане В. И. Рассадин солидарен с мнением А. М. Щербака о том, что исследование алтайской проблемы следует начинать «с определения объема и характера лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-монгольских языков. Для этого необходимо сопоставить разные тематические группы лексики, проанализировать параллели, выделить и исследовать заимствования и всесторонне оценить соотношение сходных и различающихся слов» [1, с. 3].

Начиная с 60-х годов прошлого века скотоводческая лексика не раз становилась объектом исследований в этимологическом, сравнительно-сопоставительном аспектах, в основном на материале монгольских языков [2–11]. В этих и других работах, являющихся базовыми и классическими в алтаистике, детально исследованы этимология, происхождение, развитие и характер заимствований и лексических параллелей в тюркских и монгольских языках. Кроме того, «...специалистами по этимологии тюркских языков убедительно доказано, что все рассматриваемые здесь видовые и половозрастные названия пяти видов скота, бытующие также и у монгольских народов, представлены как в древнетюркском, так и в современных языках, унаследованы языками-потомками от общетюркского праязыка вместе с самим степным кочевым скотоводством, пришедшим из глубины тысячелетий» [7, с. 84]. В сибирских тюркских языках тоже имеются некоторые наработки по данной теме. На материале цэнгэльского диалекта тувинского языка, носители которого проживают в северо-западных районах Монголии, системно описана животноводческая лексика в сравнении с аналогичной лексической системой литературного тувинского языка и других диалектов в диссертационном исследовании Б. Бадарч [12]. Отдельных лексических и семантических вопросов данной темы в алтайском языке касались работы Н. А. Яимовой [13], Н. Д. Алмадаковой [14] и др. Вопросы языковых контактов, этимологической характеристики общетюркской лексики животноводства якутского языка, их фонетические, морфологические и лексические особенности рассмотрены в работах Н. В. Малышевой [15], А. Е. Божедоновой [16] и др. Однако на материале хакасского языка животноводческая лексика, помимо полевого привлечения в этимологические анализы в упомянутых выше классических трудах, пока еще не получила специального системного освещения.

Ввиду недостаточной изученности животноводческая лексика в хакасском языке вызывает много вопросов в этимологическом, лексическом, структурном и лингвокультурологическом плане. Считаем, что данная тематика имеет хороший лингвистический потенциал и перспективу для будущих исследований. По нашим подсчетам, в хакасском языке действует 150 слов и словосочетаний, называющих различные виды домашних животных, а также 362 слова и словосочетания, выражающих понятия, связанные с лошадью [17]. Коневодство составляло основу жизни кочевника-скотовода. Б. Бадарч в исследовании лексики

животноводства в ценгэльском диалекте тувинского языка также указывает на преобладание лексики коневодства (46,8 %) [12, с. 4]. Сюда относятся слова, называющие детали снаряжения и упряжи лошадей.

Общее наименование домашнего скота в тюркских и монгольских языках: мал

М. М. Султыгова в диссертационном исследовании лексики животноводства ингушского языка скотоводческие культы в религиозных воззрениях считает одной из наиболее важных аспектов традиционной жизни ингушей. «Эти культы и связанные с ними многочисленные ритуалы в представлении народа должны были магически обеспечить размножение домашних животных, их здоровье, защиту от зверей и других бедствий, рост удоя и вообще увеличение продуктивности животноводства» [18, с. 20]. К сказанному добавим, что подобный культ действовал и у других народов, поскольку эффективное ведение животноводства напрямую связано с благополучием семьи и всего рода. Возможно, данная взаимосвязь получила отражение в семантической структуре общего названия домашнего скота в ряде тюркских языков: лексема *мал* в Древнетюркском словаре обозначена как: «1. имущество; достояние; богатство; <...>; 2. товар; <...>» [19, с. 335]. В некоторых тюркских языках такое обозначение сохраняется, например, в чувашском языке: «*мул* – имущество, богатство, добро, деньги, приданое невесты» [20, с. 54], в кумыкском языке: «имущество: *мал*; *мал-мюлк*, *мал-матагъ*; движимое имущество: *тербенеген мал*; недвижимое имущество: *тербенемейн мал*» [21, с. 302], *аткез мал* «запрещенный товар, контрабандный товар» [22, с. 7] и др. Данный термин считается арабским заимствованием [20; 23]. Б. И. Татаринцев предполагает, что в тюркские, в частности в сибирские тюркские языки, оно попало через монгольское посредничество [20, с. 54–55], например, в бурятском языке *адуу мал* «скот», а в калмыцком языке *бод мал* «крупный скот»; халха-монг. *мал* «скот». Однако в киргизском языке слово *мал* является частотным и многозначным, совмещая в своей семантической структуре такие лексико-семантические варианты: «*мал*: 1) домашний скот; <...>; 2) южн. корова; <...>; 3) имущество, богатство, ценности; <...>» [24, с. 14]. В татарском языке *мал*, как многозначная лексическая единица, помимо обозначений понятий, связанных со скотоводством, выражает: «1. имущество движимое, состояние; собственность; богатство; добро; *мал берлеге* юр. общность имущества, совместное пользование имуществом; <...>; 2. товар, деньги, капитал; *мал туплау* – накопить капитал; <...>; 3. арг. тип, фрукт, негодяй; <...>; *мал итү* сделать полезным, пригодным для чего-л.; *мал казану (табу)* добывать состояние; становиться состоятельным» [25, с. 15]. Думается, что древнетюркское обозначение лексемой *мал* материальных ценностей и богатства не случайно, поскольку для тюрка, особенно для кочевника, основным материальным богатством является скот. По свидетельству Н. Д. Алмадаковой, в теленгитском языке лексема *мал* участвует в образовании сложного слова *мал-аш*, «которое носит еще более широкое значение “хозяйство, имущество, богатство”» [14, с. 9]. В хакасском языке сложное слово *мал-хус* выражает «хозяйство; букв. скот-птица» безотносительно к понятию «богатство, имущество». Например, *Малың-хузың амыр турча ба?* – Все благополучно в вашем хозяйстве? (букв. ‘[Твой] скот-птица стоит спокойно?’). *Аның малы-хузы даа чогул* – У него нет хозяйства (букв. ‘У него нет даже скота-птицы’). Соответственно, лексема *мал* в значениях «скот» и «богатство» является одним из ключевых в тюркских благопожеланиях, например, «алт.: *Бала-барка, мал-ажар көп болзын!* – Пусть у вас будет много детей, много скота» [26, с. 161].

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, базовым термином *мал* называются почти все виды домашних животных: «*мал* скот; собир. скотина; домашнее животное // скотный, животноводческий; *чоон мал* крупный рогатый скот; *хой мал* овцы; *от кінніг мал* травоядный скот; *саңдал сөөктіг мал* поджарый скот; *үс түктіг мал* трехцветная лошадь; <...>» [27, с. 230]. Аналогичные видовые названия дает *мал* и в других языках, например,

в татарском языке: *сыер малы* «корова», *сарык малы* «овца» и др. Лексема *мал* также используется в сочетании с соответствующими конкретизаторами для отражения определенных этнографических и фольклорных особенностей, например: *пулага соххан мал* «скотина, забитая для жертвоприношения», *ызых мал* «этно. животное (обычно лошадь), посвященное духам», *ах мал* «фолькл. белый скот (о благополучно содержащемся богатырском скоте)» и др. Также данная лексема в переносном значении, как и в русском языке, может характеризовать плохого, подлого человека, например: *Мал полба* – Не будь скотом. Но в татарском языке *мал* имеет переносное значение «красотка»: *кара бу малга, ярыйсы бит!* 'Посмотри на эту красотку, ничего ведь!' [25, с. 15]. Наименования домашних животных, в отличие от наименований диких животных, редко развивают эвфемистическую функцию. В хакасском языке обнаружены только два эвфемизма в сфере животноводческой лексики: *салдама* «собака», *мүүреме* «корова». В их основу положены действия, производимые данными животными, с прибавлением словообразовательного, редкого в хакасском языке, аффикса *-mal/-me*: *салда* «грызть» + *ма*; *мүүре* «мычать» + *ме*.

Хакасская животноводческая лексика на фоне тюрко-монгольских лексических параллелей

Как отражение древних социальных и языковых контактов в этих в монгольских и сибирских тюркских языках имеется целый комплекс лексических параллелей (в основном базовые слова), выражающих отдельные виды скотоводческой лексики, например:

монг.: *буга* «олень, изюбр, марал; <...>» [28, с. 417]; калм.: *бух* «племенной бык *томхта бух*» [29, с. 28], которое в старомонгольском письменном языке зафиксировано как *buqa*. Вероятно, с этим монгольским словом связано др.-тюрк. *buγra* «верблюд-производитель» [19, с. 120]. Э. В. Севортян пишет об общетюркском характере этого слова, его этимологической близости с тюркским *биуи* «самец оленя» и связи с монгольским *buqa* [29, с. 230–232]. На эту же близость указывают авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков»: «...системы значений и фонетические формы названий самцов крупного рогатого скота (**buqa*), лося – изюбра – оленя и верблюда пересекаются, что дает основания исследователям видеть в них единый корень **biu*, вероятно, ономотопозитического характера – подражание реву лося, изюбра в период гона» [4, с. 437–438]. В сибирских тюркских языках данная лексема не утратила первоначальной значимости: хака.: *пуга*: 1) бык-производитель; *пуга пызо* теленок-бычок; <...>; 2) самец марала или оленя; / *кёл пугазы* выпь; <...>» [27, с. 395]; алт.: бык «1. *бука*; 2. разг. *оборы јаан кылыгы кедер кижии*» [30, с. 59]; тув.: *буга*; племенной бык *эки ук-саалыг буга*; взять быка за рога *ажыл-херекче дораан кириптер*; уперся, как бык *дедиртепкеи чыдыпкан* [31, с. 57] и т. д.;

монг.: «*хурга(н)* 1. ягненок; барашек; *хэнз хурга* ягненок, родившийся поздно летом или осенью, ягненок-листопад; <...>; 2. похожий на ягненка, как ягненок; ягнячий; мелкий; малый» [28, с. 1033]; калм.: *зуурм хурһн* «ягненок, родившийся раньше срока»; хака.: *хураган* ягненок; *ах хураган* белый ягненок; <...>» [27, с. 864]; тоф.: *хураган* «ягненок в возрасте до одного года» [32, с. 230]; алт.: ягненок *кураан* (*кураган*); вырастить ягненка *кураан азыран алар* [33, с. 891]; тув.: *хураган* и т. д.

В. И. Рассадин отмечает, что монголоязычные народы разводили пять основных видов скота – верблюдов, лошадей, коров, овец и коз, и, соответственно, в монгольских языках с этими животными связана хорошо разработанная лексика, «отражающая как сами разнообразные половозрастные названия скота и его масти, так и слова, называющие формы и приемы содержания и выпаса скота, характеристику пастбищ, хозяйственное использование скота и т. п.» [7, с. 83]. Известно, что разведению того или иного скота способствовали климатические и географические условия. По сведениям В. Я. Бутонаева, хозяйство хакасов состояло в основном из крупного рогатого скота (коров, быков) и овец. Но «козы у хакасов не получили развития. Как правило, они паслись вместе с овцами. А самостоятельно они бродили по крутым

горам, и пастуха для них не требовалось. Еще в начале XIX века коз доили так же, как овец, коров и кобылиц. Но к началу XX века козье молоко почти не употребляли и держали их в основном из-за мягкого пуха, идущего на собственные нужды и на продажу» [34, с. 78]. Разведение свиней хакасы переняли у русских с конца XIX в., о чем свидетельствует и скудная лексика, выражающая данный вид хозяйствования: *сосха* «свинья»; *ине сосха* «свиноматка»; *сосха палазы* «поросенок»; *иргек сосха* «боров» и т. д.

Необходимо отметить, что виды скотоводства у разных народностей в зависимости от географических и климатических особенностей несколько отличаются. Тувинцы Цэнгэла выделяют пять видов домашнего скота: «1) *аът* «лошадь»; 2) *теве* «верблюд»; 3) *инек* «корова»; 4) *хой* «овца» и 5) *ешку* «коза». Яка (*сарлык*) и корову (*инек*) они относят к одному виду крупного рогатого скота» [12, с. 6]. Тем самым способы ведения скотоводства были максимально приспособлены к местным природным условиям, что говорит о глубокой древности разведения скота в Сибирском регионе.

В. Я. Бутонаев пишет, что до XVIII в. в хозяйстве хакасов присутствовало верблюдоводство. И в фольклорных текстах можно встретить упоминание о верблюде, например: *Ах ханның хапха чыган изін атан тибее чүктен турадырлар, ибге чыган изін атха артып тимнееннер* – Белого хана имущество погружали на верблюдов, домашний скarb на коней складывали [34, с. 79]. В хакасском языке сохранились наименования верблюда *тибе*; *тайлах тибе* «молодой верблюд»; *атан* «холощенный верблюд». Фонетические варианты данной лексемы действуют и в тюркских языках, например: сойот.: *тевэ/тэбэ*, тув.: *теве*; алт.: *тöд* и в монгольских языках, например: бур.: *тэмээн*; калм.: *темэн*; монг.: *тэмээн* т. д. Причем в калмыцком языке *темэн* также обозначает шахматный термин «слон»: *тер темэхэр шалв* он объявил шах слоном [35, с. 492]. Верблюдоводство является одним из традиционных видов животноводства калмыков-кочевников, чему способствуют степные зоны и климатические условия Калмыкии. Лексема *темэн* выступает как отражение данного вида деятельности, и ее участие в образовании других специализированных терминов свидетельствует о частотности употребления в языке: *темэн шовун* страус; *темэн харада* стриж; *темэн чики* щавель; *темэн тавг* кувшинчик, водяная лилия; *темэн коки* (бот.) ласточник, ватник; *темэн сүл* карагана [35, с. 492]. Также словарные источники выдают обозначения характерных разновидностей верблюдов: *май темән* одногорбый; *буур* самец; *торм* годовалый; *таальг* двухлетний; *шар шилв* трехлетний; *шүдлн̄ темән* четырехлетний; верблюдица *иньги*; сужеребая верблюдица *хйәмл иньги*; верблюжонок *ботхи*; *торм* (годовалый) [36, с. 31] и др.

Относительно лексемы *атан*, то она однозначна как в тюркских, так и монгольских языках: кастрированный верблюд. Пример: *арви жылд атн болхар, нег жылд буул болнав*; посл.: лучше быть один год верблюдом-производителем, чем десять лет верблюдом-кастратом; <...>; [35, с. 55]. А. М. Щербак термин *атан* считает родственным *ат* «лошадь», но исключает его возможную связь с персидским *ахтан* «изымать; извлекать» [2, с. 83]. Однако в то же время интересно утверждение В. И. Рассадина о том, что в области верблюдоводства вся основная терминология современных монгольских языков, как и старописьменного монгольского языка, имеет тюркское происхождение. Так, общее название верблюда х.-монг. *тэмээ*, калм. *темэн*, бур. *тэмээн*, староп.-монг. *temegen* имеет прототипом др.-тюрк. *tebe* «верблюд» (< пратюрк. **teYwe* id.) [6, с. 162].

В разделе «Домашние животные» «Хакасско-русского и русско-хакасского тематического словаря» зафиксированы слова и словосочетания, характеризующие половозрастные признаки животных, например: *чүзек хой* «двухлетняя овца»; *час төлеге* «полугодовалый, годовалый ягненок»; *кинче хураган* «ягненок осеннего, позднего окота»; *огло мал* «молодой скот, молодняк, приплод»; *торбах пуга* «бычок на втором году» и иные стороны из хозяйственной жизни: *өкүней* «искусственно вскормленный ягненок»; *хайдол инек* «корова, дающая молоко без теленка (если пропадет теленок и т. п.)»; *төліг малы* «скотина, забитая на поминки» и др. [17].

Как видим, в структурном плане рассматриваемые лексические единицы часто представлены словосочетаниями, описывающими те или иные характерные признаки животных. Базовый же состав лексики, выражающей конкретные общие значения животных, включает такие лексические единицы, как: *мал* «скот», *ат* «лошадь», *пи* «кобыла», *хой* «овца», *хуча* «баран», *інек* «корова», *оскі* «коза», *адай* «собака», *хураган* «ягненок», *таңах* «курица», *пуга* «бык»; *көпчеге* «ягненок-сирота» и т. д. Нетипичный для тюркских языков морфологический облик лексемы *погба* «жеребенок, родившийся летом» позволяет утверждать, что она происходит из монгольских языков (*богба*), где обозначает «годовалый жеребенок».

Указанная лексика для передачи определенных видов и признаков домашних животных сочетается со следующими категориями слов:

– прилагательными, например, *маган хураган* «ягненок-альбинос; букв. белесый ягненок»; *сібет адай* «моська; букв. карликовая собака»; *тоң інек* «кыз. первотелка; букв. исходная корова», *іргек сосха* «боров; свинья-самец», *огло мал* «молодой скот, молодняк, приплод», *поос інек* «стельная корова»; *чилінніг інек* «корова с опухшими выменем перед отелом» и т. д. Прилагательные выражают масть, размер, пол, возраст, физиологическое состояние животного;

– причастиями: *аңнаңаң адай* «охотничья собака; букв. охотящаяся собака»; *пүүр тутчаң адай* «волкодав; букв. собака, которая ловит волков», *чүгүрчең ат* «рысак», *төллөңчең мал* «племенной скот», *тайнанчаң маллар* «жвачные животные» и т. д. Причастия с выраженным аффиксом *-чаң/-чең* указывают на постоянное свойство (и/или предназначение) животных. Значение свойства животного в настоящем времени имеют причастия с аффиксом настоящего времени на *-чатхан/-четкен*, например: *саалчатхан інек* «дойная корова». Причастия с аффиксом прошедшего времени *-ган/-ген*, *-ан/-ен* также указывают на постоянное свойство животного, отмеченное в прошедшем времени: *сімчеен сосха* «боров», *чімкеен хуча* «валух», *пулага соххан мал* «скотина, забитая для жертвоприношения»;

– субстантивированными существительными, т. е. определительными сочетаниями имен существительных: *інек мал* «крупный рогатый скот; букв. корова скот»; *ине хой* «овцематка; букв. мать овца»; *асхыр тибе* «самец верблюда; букв. самец верблюд»; *тазын өгіс* «кастрированный вол; букв. бык вол»; *тазын сарлых* «кастрированный як; букв. бык як» и т. д. Субстантивированные существительные в таких словосочетаниях с нулевыми аффиксами в роли определения указывают на видовые признаки животного. При этом чаще субстантивируются имена, выражающие возрастные, физиологические и половые признаки животного;

– существительными, указывающими принадлежность одного животного другому: *оскі палазы* «козленок; букв. дите козы»; *төл малы* «племенной скот; букв. скот рода-племени», *оскі хучазы* «козел-производитель; букв. баран овцы» и т. д. Встречаются и существительные, указывающие на местонахождение животного: *чурт хозаны* «кролик; букв. заяц дома» и т. д.

Если в тюркских и монгольских языках слова, выражающие возрастные характеристики животных, представляют собой отдельный богатый слой животноводческой лексики, то обозначения половой принадлежности животного более структурированы и упорядочены. В хакасском языке животные – особи женского пола обозначаются *мізі* «самка» (*мізі сосха* «свинья – самка», *мізі хураган* «ягненок женского пола», *мізі хоосха* «кошка» и др.), если самка на данном этапе имеет детеныша и кормящая, то иногда вместо *мізі* используется *ине* «мать» (*ине хой* «букв. кормящая овца»; *ине сосха* «свиноматка; букв. кормящая свинья» и др.). Определение *мізі* может использоваться по отношению и к женщине (*мізі кізі* «женщина; букв. самка человек»). В тувинском языке для обозначения самки некоторых видов животных и зверей употребляется лексема *кыс* «девушка»: *кыс теке* «верблюдица», *кыс бөрү* «волчица», *кыс адыг* «медведица»; *кыс дагаа* «курица» и др. Особи животных мужского пола в хакасском языке обозначаются словом *іргек* «самец»: *іргек пызо* «теленок – бычок», *іргек адай* «кобель»; *іргек сосха* «боров» и др. Слово *іргек*, в отличие от *мізі*, по отношению к человеку не применяется, как например, в турецком языке: *erkek* «мужчина», *erkek kardeş* «младший брат».

Следует отметить, что общевидовые наименования животных могут сочетаться с подобными определениями, указывающими не только на пол, но и на возраст, например, хак.: *чиит мал* «молодняк», *час төлге* «полугодовалый/годовалый ягненок» и др.

В системе животноводческой лексики также выделяются семантически оппозитивные по полу и возрасту слова, например, «овца» в хак.: *хой*; тув. *хой*; алт. *кой*; каз.: *қой*; тат.: *куй* и др.; «баран» в хак. *хуча*; тув.: *кошкар* (производитель); алт.: *куча, кочкор*; тат.: *бәрән, тәкә* и др. По данным казахских лексикографических источников, в казахском языке *қой* выступает обобщенным наименованием овец и баранов вне зависимости от половой принадлежности: *қой* «баран, бараний; овен» [37, с. 288] и «баран *қой*; шестимесячный *тоқты*; годовалый *ісек қой*; двухлетний *қунан қой*; трехлетний *дөнен қой*; кастрированный *азбан*; племенной *асыл тұқымды кошкар*; стадо баранов *қойдай өріп, топырлау*» [38, с. 33]. Относительно лексемы *хуча* авторы «Сравнительно-исторической грамматики» склонны связывать с исходной формой *qoɕnar*, при заимствовании на монгольские языки разговорный вариант: письм.-монг. *quśa*; бур. *хуса*; халх., калм.: *хуц* [4, с. 433]. Однако в киргизском языке произошел некоторый сдвиг в семантике данного слова: *куча* «ягненок – сосунок (самец)» [24, с. 456]. Данный факт авторы «Сравнительно-исторической грамматики» объясняют тем, что «словом *куча* называли тех новорожденных ягнят, которые не подвергались кастрации, будучи оставленными на воспроизводство; помета в словаре (самец) как будто говорит об этом» [4, с. 433]. В хакасском языке *хосхар* обозначает «горный козел» [27, с. 853], так же, как и в алтайском языке *кочкор* «дикий баран» [30, с. 75].

Для обозначения собаки почти во всех тюркских языках используется термин *ит*, щенка – *күчүк(ес)*, исключения составляют только хакасский *адай* и турецкий *köpek*. По сведениям А. М. Щербак, «...возможности употребления *күчүк* в древних и современных языках по отношению к разным животным очень широки, ср. алт. *күчүк* «волчонок», кирг. *tүлкү күчүгү* «лисенок», к.-калп. *käskip күшүгі* «волчонок»; ср. также др. монг. *arlanuküčük* «львенок» (Сл. Замахшари, II, 106)» [2, с. 128]. Интересен факт того, что «...в узбекском языке *күчүк* – взрослая собака и поэтому щенок – *күчүк бала*» [2, с. 129]. Также в тувинском языке общетюркское наименование собаки *ит* выступает компонентом сложного слова *мый-ыт* «кот», *кыс мый-ыт* «кошка». В хакасском языке *ит* в значении «собака» как устаревший термин встречается только в фольклорных текстах. *Адайча агылың чогул, Алтын Арыг, / Итче изиң чогул* (Айдолай 9) – Алтын Арыг, у тебя нет ума даже как у собаки. В данном клишированном выражении используются также уже вышедшие из активного словарного запаса синонимичные лексемы *агыл* и *ис* с общим значением «ум». В текстах богатырских сказаний часто встречается выражение-ругательство: *адай табан, ит табан*, соответствующее русскому: *собачье отродье: Алып Хыс Хан, аны көріп, / тағ чілі тазып, / Талай чілі көбіскен: / – Адай табан, ит табан / Алып Мөке, арга – сүмеңе / Тыңох түстің!* (Айдолай, 50) – Увидев его, / Алып Хыс Хан, сильно разозлилась, / Разбушевлась как море: / Собачье отродье Алып Моке, / Ну, и хитер ты, оказался! В активной лексике хакасского языка собака называется *адай*, а лексема *ит*, перейдя в разряд архаизмов, встречается только в языке фольклора. Так же фольклорная память сохранила термин *хубай хус* «букв. темно-коричневая птица», именующий гончую собаку, которая вылупилась из яйца. Помимо охранительной функции в быту «...в мировоззрении хакасов важнейшим назначением собаки было еще и оберегать своих хозяев от негативного воздействия потусторонних сил и изгонять злых духов» [39, с. 200].

В монгольском языке *нохой* «собака», так же, как и в других языках, участвует в выражении ругательств и в переносных значениях обозначает злого, подлого человека. Но особенность монгольского *нохой* состоит в том, что он в сочетании с соответствующими конкретизаторами приобретает метафорическое значение, связанное с хитростью, плутовством и мошенничеством: «...*нохой зан гаргах* шилж. плутовать; мошенничать; *нохой хэрэг* неприятный случай, неожиданная помеха; мудреная задача, мудреное дело; мудрено; *нохой хун* очень хитрый че-

ловек, плут; <...>» [28, с. 299]. Подобные термины-обозначения детенышей животных и зверей по семантике универсальны по отношению к близкородственным, например, *хулун* «жеребенок» может обозначать детеныша верблюда или марала (*тибе хулуны*; *сыын хулуны*), *пызо* «теленочек» – детенышей зубра или яка, а *типечек* или *чпуска* – детенышей куриц, уток и гусей и т. д. В другой семантической группе находятся общие наименования детенышей в форме изафетных конструкций с компонентом *пала* «дите, ребенок», например, *ёскі палазы* «козленок; букв. ребенок козы», *сосха палазы* «поросенок; букв. ребенок свиньи», *хоосха палазы* «котенок; букв. ребенок кошки» и др. Меньшинство составляют однозначные обозначения детенышей конкретных животных, например: *хураган* «ягненок».

Концептуальная сфера *ат* «лошадь» как наиболее развитый фрагмент животноводческой лексики

Общеизвестно, что у кочевников наиболее популярным и древним видом хозяйствования было коневодство. Являясь одной из самых богатых и разнообразных сфер тюркской и монгольской лингвокультур, данный концепт представляет исследовательский интерес у лингвистов [8, 40]. Термины, выражающие половозрастные признаки лошадей в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, подробно описаны в статье В. И. Рассадина [8].

По свидетельству В. Я. Бутонаева, у хакасов различалось два сорта коней: «1) *тулбар* – скакун, имеющий обычно крепкую литую спину и стройные ноги. Их выращивали специально для бегов (*чарыс*); 2) *аргамах* (*аргымах ат*) – крупная, сильная и выносливая лошадь, имеющая широкую кость. Аргымахи выдерживали без отдыха большие переходы, на них навьючивали тяжелые грузы» [4, с. 69]. В «Хакасско-русском словаре» толкование лексемы *тулбар* представлено как «богатырский конь», а *аргамах* – как «породистый конь» [27], хотя эти две лексемы не входят в активный словарный запас хакасского языка. Но вместе с тем крылатый конь *Тулпар*, верный друг, помощник и советчик богатыря, присутствует не только в хакасской, но и тюркской мифологии. Лексема же *аргамах* в соответствующих фонетических вариантах действует как в тюркских, так и в монгольских языках и обозначает породистого, резвого и быстрого коня. Только в семантике бурятского варианта *аргамаг* наблюдается отличительная особенность: «*аргамаг* аргамак (*сначала – верховая лошадь восточной породы; ныне – любая статная лошадь*); *аргамаг хулэг* аргамак-рысак; *аргамаг хаарал* аргамак буланый» [41, с. 78]. В. И. Рассадин считает, что данный термин имеет тюркское происхождение [8, с. 213], а А. М. Щербак предполагает, что он этимологически сближается с *аргалі/аркалі* «газель» [2, с. 89].

Как и в других языках кочевых/полукочевых народов, в хакасском языке лексика, связанная с коневодством, является одной из самых развитых полей, поскольку «представители кочевого общества питают особо трепетное отношение к лошади, что связано с традиционным укладом их жизни, где лошади отводится важное место. Лошадь на протяжении тысячелетий была верным другом и помощником тюрка в повседневной жизни, в военных сражениях и походах» [42, с. 78].

Ат – общетюркское название лошади: хак.: *ат*; каз.: *ат*; башк. *ат*; тув.: *аът*; сойот. *аът*; алт.: *ат*; шор.: *ат*; як.: *ат*; чув. *ут* и т. д. В монгольских языках *адуу(н)* в своем первичном варианте обозначает табун, косяк (чаще лошадей), например, в бурятском языке «<...>; *адуу мал хараха*: а) пасти скот; б) заниматься скотоводством; *адуу малаар баян* богатый скотом; *эхэ ба үүлтэртэ адуу мал* маточное поголовье и породистый скот; <...>» [41, с. 39]. В монгольском обозначении табуна лошадей лексемой *адуу(н)* в тюркских языках соответствует: хак.: *чылгы*; алт.: *жылкы*; сойот.: *чылһы/чылһы*; тув.: *чылгы*; кирг.: *жылкы*; тат.: *йылкы* и т. д. В хакасском языке конина обозначается как *ат иди* или же *чылгы иди*, тем самым в данном случае отсутствует соотносительность единичности и множественности объекта. Как пишет

А. М. Щербак, «...*jılki* как в древних, так и современных языках имеет особый семантический оттенок, уловить который, особенно в древних текстах, очень трудно» [2, с. 84].

Как мы уже отмечали выше, в «Хакасско-русском и русско-хакасском тематическом словаре» в разделе «Домашние животные» выделен подпункт «Концепт “Лошадь”» [17], который содержит 362 наименований и словосочетаний, выражающих понятия, связанные с лошастью. Среди них можно выделить следующие семантические типы:

– наименования мастей лошадей: *ax at/agat* «сивая лошадь»; *sarat* «соловая лошадь»; *xara at/xarat* «вороной конь»; *xara-xaltar* «темно-мухортый (о масти лошади)»; *хоор ат/хоорат* «каурый»; *хула ат/хулат* «саврасый» и т. д.;

– наименования деталей упряжи лошади: *сагыр* «попона»; *поза паг* «вожжи»; *ханчагы* «торока (ремни седла)»; *хосхын* «подхвостник (витый из ремённой кожи)»; *пурундос* «торба с зерном, одеваемая на морду лошади»; *кёме* «колечки на узде лошади»; *тинсе* «коврик (для седла)» и т. д.;

– наименования частей тела лошади: *сагыр* «круп лошади»; *саңмай* «лоб лошади»; *сах-чах бельт*. «щетка у лошади (*пучок волос на ноге под копытами*)»; *сүбүр* «хрящ ноздрей (*у лошади*)»; *туйгах* «копыто»; *харта* «прямая кишка лошади (*деликатес*)»; *умур* «*фолькл.* передняя часть груди лошади»; *чалын* «загривок»; *сүйнет* «*этн.* шкура коня, забитого на поминки [*хозяина*]»; *чабатчы* «*кач.* уголки рта (*у коня*)» и т. д.;

– словосочетания, описывающие характер лошади: *тураңхай ат* «лошадь, часто оставливающаяся (*от утомления*)»; *сараң ат* «невыносливая лошадь»; *нымзах чорыхтыг ат* «лошадь с мягкой ходьбой»; *ізенчік ат* «лошадь с норовом»; *хыпчах ат* «норовистая лошадь»; *чидекке чөрбес ат* «лошадь, не желающая идти на поводу»; *хатыг чорыхтыг ат* «лошадь с жестким ходом»; *сүрнүкчіл ат* «запинающийся конь»; *сайбыр пазыттыг ат* «гарцующий конь»; *чазан* «ленивый (*о лошади*)» и т. д.;

– словосочетания, выражающие статус лошади: *ўзўм ат* и *кистем ат* «конь, бегущий на небольшие расстояния, спринтер»; *хур ат* «лошадь, которая свободно пасется (*напр. с весны до осени*)»; *харын тапчан ат* «лошадь, идущая впереди, добывая корм (*для других лошадей*)»; *пас ат* «*этн.* лошадь, предназначенная для подарка родителям невесты»; *арыг мал* «*этн.* священная (*чистая*) скотина (*о лошадях*)»; *ызых мал* «*этн.* животное (*обычно лошадь*), посвященное духам» и т. д.;

– словосочетания, выражающие болезни и повреждения лошади: *туйгах кёскені* «название болезни лошадей, когда отваливаются копыта»; *күдее* «гриб, язва (*болезнь лошади*)»; *хазо* «хромота лошади (*от повреждения копыт*)»; *хотха* «выкидыш у кобылы»; *чаар* «ссадина (*обычно на спине лошади, сбитая седлом, седёлкой и т. п.*)» и т. д.;

– словосочетания выражающие возраст и время рождения жеребят: *хулбан хулун* «жеребенок, родившийся зимой (*с коротким волосяным покровом*)»; *көрбе* «жеребенок, родившийся осенью»; *чабага* «двухлетний жеребенок»; *кичірі тыгалах ат* «молодой конь» и т. д.

Здесь названы не все подгруппы слов из обширного концепта «лошадь», составными звеньями которого являются термины, выражающие такие признаки, как пол, масть, возраст, назначение, прирученность, физическая сила, включающая способность развивать скорость и др. Все эти слои лексики содержат этнические, культурные, метафорические смыслы, обусловленные экстралингвистическими факторами. Однако на современном этапе в связи с развитием современных технологий в быту лошадей заменили машины, соответственно, лексика, связанная с коневодством, постепенно уходит в прошлое.

Заключение

Таким образом, в обзорном порядке мы представили описание небольшой части скотоводческой лексики в хакасском языке и можем сделать следующие выводы:

– базовые термины животноводства хакасского языка включаются в общий состав тюрко-монгольских параллелей, что является свидетельством древних языковых и социальных контактов монгольских и тюркских племен. В этих языках животноводческая лексика составляет хорошо разработанную организованную систему, отражающую половозрастные дифференциации и другие лексические особенности, связанные со временем рождения животных, их болезнями, моделями их содержания, мясными и молочными продуктами питания и др.;

– общее обозначение домашнего скота *мал* «скот» в ряде тюркских языков получило переносное значение «богатство, имущество». В хакасском же языке подобное расширение семантики данного слова не наблюдается. Также животноводческая лексика активно участвует в текстах малых фольклорных жанров и благопожеланиях хакасов и других тюркских народов, тем самым отражает значимость материального и духовного богатства в жизни каждого этноса;

– как показывают анализ лексикографических источников и суждения и подтверждения известных лингвистов, в наименованиях основных видов домашнего скота тюркских и монгольских языков встречается немало лексических параллелей, свидетельствующих о тесных социальных взаимодействиях этих народов в похожих климатических, географических и хозяйственных условиях;

– базовые термины животноводства в исследуемых языках, как правило, являются односоставными, однако гендерные, возрастные и другие характеристики домашнего скота часто обозначаются двусоставными, сложными лексемами, т. е. путем сочетания базовых терминов с прилагательными, причастиями, субстантивированными существительными. Встречаются исключения в обозначении собаки в хакасском языке *адай* и турецком *köpek*. В остальных тюркских языках используется термин *ит*, щенка – *күчүк(ес)*. В хакасском языке лексема *ит* в значении «собака» сохранился лишь в фольклорных текстах; отдельную, наиболее богатую концептосферу представляют наименования лошади и связанные с ней лексические звенья, выражающие такие признаки, как пол, масть, возраст, назначение, прирученность, физическая сила, включающая способность развивать скорость и др.

Принятые сокращения:

алт. – алтайский язык; бур. – бурятский язык; калм. – калмыцкий язык; монг. – монгольский язык, каз. – казахский язык; кирг. – киргизский язык; к.-калп. – кара-калпакский язык; сойот. – сойотский язык; тат. – татарский язык; тоф. – тофский язык; тув. – тувинский язык; хак. – хакасский язык.

Список источников:

1. Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та. 2008. 243 с.
2. Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1961. С. 82–172.
3. Бардаев Э. Ч. Номадная лексика монгольских народов (названия домашних животных по полу, возрасту и масти): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 1976. 28 с.
4. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. / отв. ред. член-корр. РАН Э. Р. Тенишев. М.: Наука. 2001. 822 с.
5. Михайлова М. О. Сопоставительный анализ скотоводческой лексики в алтайских языках // Проблемы исторического развития монгольских языков: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург. 24–26 октября. 2007). Отв. ред. П. О. Рыкин. СПб: Нестор-История. 2007. С. 86–91.
6. Рассадин В. И. О тюркском влиянии на сложение комплекса скотоводческой лексики монгольских языков // Ученые записки Забайкальского гос. ун-та. № 3. 2009. С. 158–165.
7. Рассадин В. И. Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинской // Вестник Бурятского гос. ун-та. № 8. 2011. С. 83–90.

8. Рассадин В. И. Конеоводческая терминология в монгольских языках: сравнительный аспект // Историческая и социально-образовательная мысль. № 6. 2012. С. 212–214.
9. Рассадин В. И. О скотоводческой лексике калмыцкого языка // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. № 4 (12). 2013. С. 147–151.
10. Арименова Р. С. Семантика и родовидовые отношения названий животных (на материале монгольских и русского языков) // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2012. № 1. С. 31–37.
11. Данилова Н. И., Дьячковский Ф. Н. Зооморфная лексика в составе якутских фразеологизмов и паремий (в сопоставлении с монгольскими языками) // Северо-восточный гуманитарный вестник. № 4(41). 2022. С. 67–78.
12. Бадарч Баярсайхан. Лексика животноводства в центральном диалекте тувинского языка (в сравнительно-сопоставительном аспекте): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск. 2009. 28 с.
13. Яимова Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск. 1990. 169 с.
14. Алмадакова Н. Д. Названия крупного и мелкого скота в тёлёском (чолушманском) говоре улаганского диалекта теленгитского языка (в сопоставительном аспекте) // Вопросы диалектологии. 2018. № 1-2. С. 7–15.
15. Малышева Н. В., Данилов И. А. Общeturкская лексика якутского языка, обозначающая наименования частей тела животного (сравнительно-исторический анализ) // Вестник Кемеровского ун-та. Т. 21, № 4. 2019. С. 1123–1130.
16. Божедонова А. Е. Этимологическая характеристика наименований основных мастей лошади в якутском языке // Вестник Северо-Восточного федерального ун-та им. М. К. Амосова. № 4 (72). 2019. С. 92–104.
17. Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. Хакасско-русский и русско-хакасский тематический словарь (разделы «Человек», «Флора и фауна»). Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2020. 224 с.
18. Султыгова М. М. Животноводческая лексика ингушского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала. 25 с.
19. Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Ленинград: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение. 1969. 676 с.
20. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. IV. М, Н, О, Ё, П. Отв. ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: «Наука». 2008. 443 с.
21. Русско-кумыкский словарь. Около 30 000 слов / под ред. З. З. Бамматова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. 1960. 1148 с.
22. Абдиев Т. К. Дореволюционные русизмы в кыргызском языке // Тюрко-монгольский мир: история и культура: материалы международной научной конф., посвященной 90-летию со дня рождения С. Г. Кляшторного. М.: Наука. Восточная литература. 2019. С. 5–10.
23. Рассадин В. И. Тюрко-монгольские названия крупного и мелкого рогатого скота в халха-монгольском языке // Вестник Калмыцкого ин-та гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. Том 8. С. 107–111.
24. Киргизско-русский словарь. Около 40 000 слов / сост. проф. К. К. Юдахин. 2-я книга. Л–Я. Фрунзе: Главная редакция киргизской советской энциклопедии. 1985. 475 с.
25. Татарско-русский словарь: в 2-х томах. Том 2 (М–Я). Казань: Магарий. 2007. 726 с.
26. Тазранова А. Р. Лексема мал «скот» в алтайском языке в сопоставлении с другими тюркскими и монгольскими языками // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. № 8(4). С. 158–165.
27. Хакасско-русский словарь: около 22 тыс. слов / под общей редакцией О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
28. Большой академический монгольско-русский словарь / под общ. ред. академика АН Монголии А. Лувсандэндэва и доктора филол. наук, проф. Ц. Цэдэндамба. Отв. ред. д-р филол. наук, проф. Г. Ц. Пюрбеев. М.: ACADEMIA. 2001. 2007 с.
29. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и междутюркские основы на букву Б / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Изд-во «Наука». 1978. 349 с.
30. Русско-алтайский словарь. В 2-х томах. Т. I (А–О) / под ред. А. Э. Чумакаева, А. Н. Майзиной, А. А. Озоновой, Н. Д. Алмадаковой; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2015. 800 с.
31. Русско-тувинский словарь. 32 000 слов / под ред. Д. А. Монгуша. Абакан: ООО «Коопертив «Журналист». 2015. 664 с.
32. Рассадин В. И. Тофаларско-русский словарь. Элиста. 2014. 532 с.
33. Русско-алтайский словарь. В 2 томах. Том II (П–Я) / под ред. А. Э. Чумакаева, А. Н. Майзина, А. А. Озона, Н. Д. Алмадакова; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2016. 896 с.
34. Бутонанов В. Я. Традиционные способы ведения скотоводства у хакасов // Вопросы этнографии Хакасии. Абакан. 1981. С. 68–81.
35. Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык». 1977. 764 с.

36. Русско-калмыцкий словарь. 25 000 слов / сост. Б. Б. Басангов; ответ. редактор Л. С. Сангаев. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. 1940. 332 с.
37. Бектаев К. Большой казахско-русский словарь. Астана: Алтын Қазына. 2007. 703 с.
38. Русско-казахский словарь / сост.: О. Айтбайулы, С. Абдрахманов, А. Кекильбай и др. Алматы: Арыс. 2007. 640 с.
39. Бурнаков В. А. Традиционные представления хакасов о собаке // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2012. № 5. С. 196–216.
40. Каксин А. Д. Концепт АДУУ / МОРЬ / МОРИН ~ АКТ «лошадь» в монгольских языках: штрихи к национальной языковой картине мира // Ойрад судлал: угсаа, хэл, соёл: Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эм-хтгэл (2015 оны 5-р сарын 21-22. Монгол улс, Улаанбаатар) / Эрхэлсэн: Ю. Цэндээ, С. Мияжав. Улаанбаатар, 2015. С. 229–236.
41. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Т. I. А–Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография». 2010. 636 с.
42. Чертыкова М. Д. Пословичная концептуализация общетюркской зоолексемы ат «лошадь» (на материале хакасского языка) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. Вып. 38. С. 78–84.

Чертыкова Мария Дмитриевна.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.

Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии

Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.

Ул. Ленина, 94, г. Абакан, 655017.

E-mail: chertikova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 13 февраля 2023 г.

M. D. Chertykova

THE VOCABULARY RELATED TO LIVESTOCK IN THE KHAKASS LANGUAGE (COMPARATIVE-CONTRASTIVE ASPECT)

The thematic group of livestock vocabulary in the Turkic and Mongolian languages is an extensive layer of the lexical system of the language. It includes words naming domestic animals and characterizing their sex, age, breed, color, food, body parts, territories, husbandry, and grazing. In the classification system, these words are divided into different semantic subgroups. The richest group consists of the names of animals that express their gender and age characteristics. The relevance of studying this layer of vocabulary arises from the fact that in connection with the development of modern technologies, the once rich composition of livestock vocabulary is narrowing, as a result of which many words have passed into the realm of archaisms, especially the names of horse harnesses. In relation to the horse – the faithful companion of the nomad – the Turkic and Mongolian peoples have developed an extensive network of terms since ancient times. Using the Khakass language as an example, we have shown that compound words are active in this environment, which are represented by the combination of a common name with a determiner, e.g., *улуз мал* (cattle), *иргек сосха* (hog or male pig), *ине хой* (sheep or Ewe); *сйбет адай* (Pug or Dwarf dog). Certain types of domestic animals are also designated by combining basic terms with adjectives, participles, and substantival nouns. Data from bilingual dictionaries and etymological information on certain terms from the works of famous linguists – typologists – were used as linguistic material on the Mongolian and Turkish languages.

Keywords: *livestock vocabulary, Khakas, Turkic, Mongolian, languages, semantics, comparison*

References:

1. Rassadin V. I. Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol'skoj yazykovoj obshchnosti [Essays on the history of the addition of the Turkic-Mongol language community]. Chast' II. Mongol'skoe vliyanie na leksiku tyurkskih yazykov. Elista: Izdatel'stvo Kalmyckogo universiteta. 2008. 243 p. (in Russian).
2. Shcherbak A. M. Nazvaniya domashnih i dikih zhivotnyh v tyurkskih yazykah [The names of domestic and wild animals in Turkic] // Istoricheskoe razvitiye leksiki tyurkskih yazykov. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 1961. P. 82–172 (in Russian).

3. Bardaev E. Ch. Nomadnaya leksika mongol'skih narodov (nazvaniya domashnih zhivotnyh po polu, vozrastu i masti) [Nomadic vocabulary of the Mongolian peoples (names of pets by gender, age and suit)]; avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M. 1976. 28 p.
4. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Leksika [Comparative historical grammar of Turkic languages. Vocabulary]. 2-e izd., dop. Otv. red. chlen-korr. RAN E. R. Tenishev. M.: Nauka. 2001. 822 p.
5. Mikhaylova M. O. Sopostavitel'nyj analiz skotovodcheskoj leksiki v altajskih yazykah [Comparative analysis of cattle – breeding vocabulary in Altai languages] // Problemy istoricheskogo razvitiya mongol'skih yazykov: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Sankt-Peterburg. 24–26 oktyabrya. 2007). Otv. red. P. O. Rykin. SPb: Nestor-Istoriya. 2007. P. 86–91 (in Russian).
6. Rassadin V. I. O tyurkskom vliyani na slozhenie kompleksa skotovodcheskoj leksiki mongol'skih yazykov [On the Turkic influence on the addition of a complex of cattle -breeding vocabulary of Mongolian languages] // Uchyonye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. No. 3. 2009. P. 158–165 (in Russian).
7. Rassadin V. I. Skotovodcheskaya leksika kalmyckogo yazyka v sravnenii s turecko-meskhetskoy [Cattle-breeding vocabulary of the Kalmyk language in comparison with Turkish-Meshetinskaya] // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 8. 2011. P. 83–90 (in Russian).
8. Rassadin V. I. Konevodcheskaya terminologiya v mongol'skih yazykah: sravnitel'nyj aspekt [Horseful terminology in the Mongol languages: Comparative aspect] // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. No. 6. 2012. P. 212–214 (in Russian).
9. Rassadin V. I. O skotovodcheskoj leksike kalmyckogo yazyka [About cattle -breeding vocabulary of the Kalmyk language] // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. No. 4 (12). 2013. P. 147–151 (in Russian).
10. Arimenova R. S. Semantika i rodovidovye otnosheniya nazvanij zhivotnyh (na materiale mongol'skih i russkogo yazykov) [Semantics and generic relations of animal names (on the material of the Mongolian and Russian languages)] // Vestnik MGOU. Seriya «Russkaya filologiya». 2012. No. 1. P. 31–37 (in Russian).
11. Danilova N. I., D'yachkovskij F. N. Zoomorfnyaya leksika v sostave yakutskih frazeologizmov i paremij (v sopostavlenii s mongol'skimi yazykami) [Zoomorphic vocabulary as part of Yakut phraseological units and proverbs (in comparison with Mongolian languages)] // Severo-vostochnyj gumanitarnyj vestnik. No. 4(41). 2022. P. 67–78 (in Russian).
12. Badarch Bayarsajhan. Leksika zhivotnovodstva v cengel'skom dialekte tuvinskogo yazyka (v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte) [The vocabulary of livestock in the Tsengel dialect of the Tuvan language (in a comparative-conservation aspect)]; avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk. 2009. 28 p. (in Russian).
13. Yaimova N. A. Tabuirovannaya leksika i evfemizmy v altajskom yazyke [Tabuted vocabulary and euphemisms in Altai]. Gorno-Altajsk. 1990. 169 p. (in Russian).
14. Almadakova N. D. Nazvaniya krupnogo i melkogo skota v tyolyoskom (cholushmansk) govore ulaganskogo dialekta telengitskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte) [The names of the cattle in the Teley (Cholushman) dialect of the Telengitic language (in a comparative aspect)] // Voprosy dialektologii. 2018. No. 1-2. P. 7–15 (in Russian).
15. Malysheva N. V., Danilov I. A. Obschetyurkskaya leksika yakutskogo yazyka, oboznachayushchaya naimenovaniya chastej tela zhivotnogo (sravnitel'no-istoricheskij analiz) [Common public vocabulary of the Yakut language, denoting the names of parts of the body of the animal (comparative historical analysis)] // Vestnik Kemerovskogo universiteta. Vol. 21. No. 4. 2019. P. 1123–1130 (in Russian).
16. Bozhedonova A. E. Etimologicheskaya harakteristika naimenovaniy osnovnyh mastej loshadi v yakutskom yazyke [Etymological characteristics of the names of the main stripes of the horse in the Yakut language] // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Amosova. No.4 (72). 2019. P. 92–104 (in Russian).
17. Kaksin A. D., Chertykova M. D. Hakassko-russkij i russko-hakasskij tematicheskij slovar' (razdely «Chelovek», «Flora i fauna») [Khakass-Russian and Russian-Khakassian thematic dictionary (sections «Man», «Flora and Fauna»)]. Abakan: Izdatel'stvo FGBOU VO «Hakasskij gosudarstvennyj universitet im. N. F. Katanova», 2020. 224 p.
18. Sulygova M. M. Zhivotnovodcheskaya leksika ingushskogo yazyka [Life -breeding vocabulary of the Ingush language]; avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Mahachkala. 25 p. (in Russian).
19. Drevnetyurkskij slovar' [The ancient Turkic dictionary]. Redaktory V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Enishev, A. M. Shcherbak. Leningrad: Izd-vo «Nauka». Leningradskoe otdelenie. 1969. 676 p. (in Russian).
20. Tatarincev B. I. Etimologicheskij slovar' tuvinskogo yazyka [Etymological Dictionary of the Tuvan language]. Vol. IV. M, N, O, P. Otv. red. D. A. Mongush. Novosibirsk: «Nauka». 2008. 443 p. (in Russian).
21. Russko-kumyjskij slovar' [Russian-Kumyk dictionary]. Okolo 30 000 slov. Pod redakciej Z. Z. Bammatova. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej. 1960. 1148 p. (in Russian).
22. Abdiev T. K. Dorevolucionnye rusizmy v kyrgyzskom yazyke [Pre -revolutionary Russes in Kyrgyz] // Tyurko-mongol'skij mir: istoriya i kul'tura: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya S. G. Klyashtornogo. M.: Nauka. Vostochnaya literatura. 2019. P. 5–10 (in Russian).

23. Rassadin V. I. Tyurko-mongol'skie nazvaniya krupnogo i melkogo rogatogo skota v halha-mongol'skom yazyke [Turkic-Mongol names of cattle in the Halha-Mongolian language] // Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN. 2015. No. 3. T. 8. P. 107–111 (in Russian).
24. Kirgizsko-russkij slovar' [Kyrgyz-Russian dictionary]. V dvuh knigah. Okolo 40 000 slov. Sost. K. K. Yudahin. 2 kniga. L.–Ya. Frunze: Glavnaya redakciya kirgizskoj sovetskoj enciklopedii. 1985. 475 p. (in Russian).
25. Tatarsko-russkij slovar' [Tatar-Russian dictionary]: v 2-kh tomah. T. 2 (M–YA). Kazan': Magarij. 2007. 726 p. (in Russian).
26. Tazranova A. R. Leksema *mal* «skot» v altajskom yazyke v sopostavlenii s drugimi tyurkskimi i mongol'skimi yazykami [Lexeme *mal* «Cattle» in Altai in comparison with other Turkic and Mongolian languages] // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2022. No. 8(4). P. 158–165 (in Russian).
27. Khakassko-russkij slovar' [The Khakass-Russian Dictionary]: okolo 22 tys. slov. Pod obshch. red. O. V. Subrakovoj. Novosibirsk: Nauka, 2006. 1114 p. (in Russian).
28. Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' [Big Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Pod obshch. red. ak. AN Mongolii A. Luvsandendeva i doktora filol. nauk, prof. C. Cedendamba. Otv. red. doktor filol. nauk, prof. G. C. Pyurbeev. Ok. 70 000 slov. M.: ACADEMIA. 2001. 2007 p. (in Russian).
29. Sevortyan E. V. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu B [Etymological Dictionary of Turkic languages. Commonweight and inter -tierce foundations for the letter B]. Otv. Red. N. Z. Gadzhieva. M.: Izdatel'stvo «Nauka». 1978. 349 p. (in Russian).
30. Russko-altajskij slovar' [Russian-Altai Dictionary]. V 2 tomah. T. I (A–O) / pod red. A. E. Chumakaeva, A. N. Majzinoy, A. A. Ozonovoy, N. D. Almadakovoy; BNU RA «NII altaistiki im. S. S. Surazakova». Gorno-Altajsk, 2015. 800 p. (in Russian).
31. Russko-tuvinskij slovar' [Russian-Tuvin Dictionary]. 32 000 slov / pod redakciej D. A. Mongusha. Abakan: OOO «Koopertiv «Zhurnalist». 2015. 664 p. (in Russian).
32. Rassadin V. I. Tofalarsko-russkij slovar' [Tofalar-Russian dictionary]. Elista. 2014. 532 p. (in Russian).
33. Russko-altajskij slovar' [Russian-Altai Dictionary]. V 2 tomah. Tom II (P–YA) / pod red. A. E. Chumakaeva, A. N. Majzinoy, A. A. Ozonovoy, N. D. Almadakovoy; BNU RA «NII altaistiki im. S. S. Surazakova». Gorno-Altajsk, 2016. 896 p.
34. Butonaev V. Ya. Tradicionnye sposoby vedeniya skotovodstva u hakasov [Traditional ways to conduct cattle breeding in Khakasses] // Voprosy etnografii Hakasii. Abakan. 1981. P. 68–81 (in Russian).
35. Kalmycko-russkij slovar' [Kalmyk-Russian dictionary]. 26 000 slov. Pod redakciej B. D. Munieva. M.: Izd-vo «Russkij yazyk». 1977. 764 p. (in Russian).
36. Russko-kalmyckij slovar' [Russian-Kalmyk dictionary]. 25 000 slov. Sostavil B. B. Basangov. Otv. red. L. S. Sangaev. M.: Gos. izd-vo inostrannykh i nacional'nykh slovaroj. 1940. 332 p. (in Russian).
37. Bektaev K. Bol'shoj kazahsko-russkij slovar' [Big Kazakh-Russian Dictionary]. Astana: Altyn Kazyyna. 2007. 703 p. (in Russian).
38. Russko-kazahskij slovar': nauchnoe izdanie [Russian-Kazakh Dictionary: Scientific Edition]. Sost.: O. Ajtbajuly, S. Abdrakhmanov, A. Kekil'bij i dr. Almaty: Arys. 2007. 640 p. (in Russian).
39. Burnakov V. A. Tradicionnye predstavleniya hakasov o sobake [Traditional hacas ideas about a dog] // Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v istoricheskoy retrospektive. 2012. No. 5. P. 196–216 (in Russian).
40. Kaksin A. D. Koncept ADUU / MOR' / MORIN ~ AKT «loshad'» v mongol'skih yazykah: shtrihi k nacional'noj yazykovoj kartine mira [The concept of ADUU / MOR' / MORIN ~ AKT «Horse» in Mongolian languages: strokes to the national linguistic picture of the world] // Ojrad sudlal: ugsaa, hel, soyol: Olon ulsyn erdem shinzhilgeenij hurlyn iltgelijn emhtgel (2015 ony 5-r saryn 21–22. Mongol uls, Ulaanbaatar) / Erhelsen: Yu. Cendee, S. Miyaazhav. Ulaanbaatar, 2015. P. 229–236 (in Russian).
41. Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryatsko-russkij slovar' [Buryat-Russian dictionary]. V dvukh tomah. T. I. A–N. Ulan-Ude: Izd-vo OAO «Respublikanskaya tipografiya». 2010. 636 p. (in Russian).
42. Chertykova M. D. Poslovichnaya konceptualizaciya obshchetyurkskoj zooleksemy at «loshad'» (na materiale khakasskogo yazyka) [The proverbial conceptualization of the common town zoolexem of at «Horse» (based on the Khakassian material)] // Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri. 2019. Vyp. 38. P. 78–84 (in Russian).

Chertykova Maria Dmitrievna.

Doctor of philology, senior research fellow.

Institute of Humanitarian Researches and Sayan-Altai Turkology of Katanov Khakass State University.

Lenina ave., 94, Abakan, Russia, 655017.

E-mail: chertikova@yandex.ru